

«КОЛЛЕКТИВНОЕ УМОЛЧАНИЕ» КАК ВЕДУЩАЯ СТРАТЕГИЯ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТИ 1950-Х ГОДОВ

УДК 94(430) : 316.7

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-2106-14-25>

К. А. Мясникова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

e-mail: kiramyasnikova@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена феномену «коллективного умолчания», определившему специфику культуры памяти (Erinnerungskultur) ФРГ в 1950-е годы. В ней кратко рассмотрены история и основные этапы развития немецкой культуры памяти после Второй мировой войны, выделены ключевые черты раннего послевоенного этапа развития мемориальной культуры в Западной Германии, который пришелся на 1950-е годы, а также изучены понятия «коллективное умолчание» и «забвение» и роль забвения при преодолении посттравматической памяти (память о Второй мировой войне). В статье рассматривается предложенная немецким культурологом и специалистом в области memory studies Алейдой Ассман концепция моделей памятования – реакций общества на исторические травмы, в рамках которой умолчание трактуется как одна из техник забвения. Западногерманское «коллективное умолчание» 1950-х годов исследуется в данной статье в контексте концепции А. Ассман и выделенных ей видов забвения, в результате чего делается вывод, какие виды забвения можно считать преобладающими в ФРГ в первое послевоенное десятилетие и можно ли утверждать, что «коллективное умолчание» на первом этапе развития немецкой культуры памяти носило преимущественно негативный характер.

Ключевые слова: культура памяти, Erinnerungskultur, ФРГ в 1950-е годы, Алейда Ассман, памятование, забвение, формы забвения, коллективное умолчание.

Для цитирования: Мясникова К.А. «Коллективное умолчание» как ведущая стратегия западногерманской культуры памяти 1950-х годов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 2 (106). С. 14-25. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-2106-14-25>

«COLLECTIVE SILENCE» AS A KEY STRATEGY OF THE WEST GERMAN MEMORY CULTURE IN THE 1950s

Kira A. Miasnikova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

e-mail: kiramyasnikova@gmail.com

МЯСНИКОВА КИРА АЛЕКСАНДРОВНА – преподаватель кафедры управления культурной политикой ИГСУ РАНХиГС, аспирант кафедры немецкого языка и культуры ФИЯР МГУ им М.В. Ломоносова

MIASNIKOVA KIRA ALEXANDROVNA – Lecturer, Department of Cultural Policy Management, Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Postgraduate student, Department of Germanic Languages and Cultures, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University

© Мясникова К. А., 2022

Abstract: The article examines the phenomenon of «collective silence» that defined West German memory culture (Erinnerungskultur) in the 1950s. The article briefly reviews history and development stages of the German memory culture after the Second World War, highlights the key features of the first – post-war – stage of the 1950s and examines the concepts of «collective silence» and «forgetting» and the role of forgetting in overcoming post-traumatic memory (memory of the Second World War). The article discusses the concept of memory models proposed by Aleida Assmann, German professor of English and Literary Studies, whose work focuses on cultural anthropology and memory studies. The concept interprets society's reactions to historical traumas and regards silence as one of forgetting techniques. In this article the West German «collective silence» of the 1950s is studied from the point of view of A. Assmann's theory of forgetting and its main forms. It is examined which types of forgetting can be considered prevailing in West Germany in the first post-war decade, and whether it can be argued that «collective silence» at the first stage of the development of German memory culture was predominantly negative.

Keywords: memory culture, Erinnerungskultur, West Germany in the 1950s, Aleida Assmann, remembering, forgetting, forms of forgetting, collective silence.

For citation: Miasnikova K.A. «Collective silence» as a key strategy of the West German memory culture in the 1950s. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 2 (106), pp. 14-25. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-2106-14-25>

Культура памяти (нем. *Erinnerungskultur*) – собирательное понятие, обозначающее «общность не специфически научных вариантов применения истории в общественной жизни при помощи различных средств и для разных целей» (в оригинале: «...*Sammelbegriff für die Gesamtheit des nicht spezifisch wissenschaftlichen Gebrauchs der Geschichte in der Öffentlichkeit mit den verschiedensten Mitteln und für die verschiedensten Zwecke*») [17, p. 41] и отражающее то, «как общества помнят и ... через воспоминание 'воображают себя'» [5, с. 17]. Поскольку культура памяти рассматривает прошлое с «оглядкой» на настоящее, то она напрямую зависит от эпохи и уникальна для каждого периода истории. Особое значение понятие «культура памяти» имеет для немецкой истории второй половины XX века. Немецкая мемориальная культура многослойна и неоднородна: она вобрала в себя черты культур памяти ФРГ и ГДР [15], а ее становление проходило поэтапно, в несколько фаз и имело «пульсирующий характер» [6, с. 116].

Целью данной статьи стало изучение специфики культуры памяти ФРГ 1950-х годов

и роли феномена «коллективного умолчания» в ее формировании. Большинство исследователей сходятся во мнении, что мемориальная культура ГДР развивалась не так активно и интенсивно, как в ФРГ: «...партийные установки ... не допускали свободного критического исследования современной истории», из-за чего в ГДР «практически не было собственных наработок для научного исследования нацистской диктатуры» [11, с. 39]. В связи с этим под историей развития *немецкой* мемориальной культуры в первую очередь понимаются этапы становления *западногерманской* культуры памяти. Отношение к прошлому в ФРГ в первое послевоенное десятилетие кардинально отличалось от того, как немецкое общество стало воспринимать и оценивать национальную историю впоследствии – начиная с середины 1960-х годов вплоть до наших дней. Разумеется, в послевоенном западногерманском обществе сосуществовали разнородные тенденции в отношении памяти о войне, но преобладавшей стратегией памятования 1950-х годов принято считать «коллективное умолчание». Однако применительно к западногерманскому обществу 1950-х годов поня-

тия «забвение», «умолчание» и «коллективное умолчание» трактуются по-разному, в связи с чем в статье предпринята попытка определить те виды забвения, которые являлись наиболее характерными для послевоенной немецкой мемориальной культуры.

***Erinnerungskultur* после 1945 года: особенности культуры памяти ФРГ 1950-х годов.** Алейда Ассман, немецкий исследователь в области *memory studies*, с учетом исторических событий и изменений, происходивших в ФРГ после Второй мировой войны, разделила процесс становления *Erinnerungskultur* в Западной Германии на три фазы: 1) 1945–1957 годы; 2) 1958–1984 годы; 3) 1985 – настоящее время [4, с. 336]. Однако это не единственный вариант периодизации развития немецкой *Erinnerungskultur*: та же Ассман предлагает рассматривать историю Германии XX века и становление немецкой мемориальной культуры как смену поколений, подчеркивая «совместный исторический опыт», «сходные образцы социализации» и «общие ценностные структуры», на которых основывается поколенческая общность [4, с. 371]. Ассман выделяет 7 поколений, определявших немецкую историю на протяжении XX века, причем два из них (четвертое и шестое) Ассман называет промежуточными. При этом подходе история ФРГ после Второй мировой войны определяется тремя поколениями: 1) «скептическое поколение» 1945 года; 2) поколение 1968 года; 3) поколение 1985 года [4, с. 401–407]. Эти три поколения соотносятся с выделяемыми Ассман фазами развития немецкой *Erinnerungskultur* после 1945 года. Еще одну периодизацию развития западногерманской мемориальной культуры предлагают отечественные историки Д. И. Колесов, И. И. Маслова, О. А. Сухова и О. К. Шиманская, выделившие четыре основных этапа

становления памяти о Второй мировой войне в ФРГ: 1) 1945–1949 годы; 2) конец 1940-х годов – 1950-е годы; 3) 1960-е–1970-е годы; 4) с 1985 года по настоящее время [9, с. 91–98]. Между представленными периодизациями есть ряд отличий, однако основные этапы развития немецкой мемориальной культуры во всех периодизациях совпадают: рубежными для ее развития стали конец 1950-х – начало 1960-х годов и середина 1980-х годов.

Что характерно для культуры памяти ФРГ на начальном этапе ее становления, с конца 1940-х по начало 1960-х годов? Исследователи, предлагающие периодизации немецкой мемориальной культуры, отмечают следующие особенности первого этапа ее развития: к основным участникам данного этапа относят «скептическое поколение» 1945-го года, т.е. родившихся в Веймарской республике в 1920-е годы и прошедших социализацию в период национал-социализма; основной стратегией памятования называется «коллективное умолчание» (Ассман в отношении 1950-х годов говорит также о «блокировке памяти»), а ключевыми вопросами общественно-политического дискурса – вопросы вины и ответственности (признание вины, разница между коллективной и индивидуальной ответственностью и др.) [2; 3; 9]. Среди исторических событий, определивших развитие мемориальной культуры на этом этапе (Д. И. Колесов и др. дали ему неоднозначное определение «ренификационный»), – амнистирование бывших национал-социалистов (поправка в ст. 131 Основного закона ФРГ), создание Федеральной разведывательной службы Германии, введение воинской повинности, возвращение прежней образовательной системы, создание Союза изгнанных и т.д.

В отношении этого этапа развития немецкой *Erinnerungskultur* Ассман упо-

требляет термин «политика прошлого» (*Vergangenheitspolitik*), введенный немецким историком Норбертом Фраем [4, с. 336; 16]. Концепция «политики прошлого» Фрая подразумевает преодоление прошлого «средствами политики, юстиции, науки, экономики и образования» [16; 2, с. 260-261]. Однако проводимая в ФРГ в первые послевоенные годы «политика прошлого» сочеталась с противоположными процессами и, как пишет немецкий историк Ютта Шеррер, «сразу после окончания войны не произошло решительного разрыва с наследством Третьего рейха» [12, с. 91]. Не было ни признания преступлений, ни полноценного осмысления, ни окончательного забвения этого периода: «...период национал-социалистического режима ... рассматривался как политически нерелевантный» [8, с. 99].

Надо отметить, что стратегия замалчивания также находила отклик в действиях властей: проводимая первым канцлером ФРГ Конрадом Аденауэром политика опиралась на замалчивание под предлогом «умиротворения общества и политической стабилизации». В результате к середине 1950-х годов в немецком обществе было примерно 3,6 миллионов денацифицированных и десятки тысяч амнистированных немцев, в том числе «в 1945—1949 годах осужденных в рамках Нюрнбергских процессов или военными судами союзников» [12, с. 92].

При этом часть общества продолжала бороться за свое право помнить и осмысливать прошлое: достаточно вспомнить роман «Жестяной барабан» Гюнтера Грасса, спектакль «Наместник» Рольфа Хоххута, идеи философов, мыслителей и политиков, которые поднимали вопросы ответственности немецкого общества и необходимости искупления вины. Отдельные мероприятия по «проработке прошлого» проводились уже в 1950-е годы (дея-

тельность литературного объединения «Группа 47», создание Института современной истории в Мюнхене и т.д.), однако массовое общественное обсуждение национальной истории и преступлений нацистского времени началось лишь на рубеже 1950–1960-х годов, чему способствовала в том числе смена поколений и приход «поколения 1968-го года», готового к критическому осмыслению прошлого и его «проработке».

Для «скептического поколения» 1945 года первое послевоенное десятилетие оказалось, по словам немецкого историка Йорга Эхтернкампа, «периодом принудительной стыдливости, затруднившей рассказ о собственных переживаниях на войне», и в этих условиях война и послевоенное время слились в общественном сознании в единый «специфической комплекс переживаний», временной отрезок, «полный лишений и страданий» [14, с. 84-85]. Память побежденных после войны была плавно вытеснена памятью жертв, причем восприятие себя в качестве жертв войны было характерно для разных слоев населения в 1950-е годы: гражданское население считало себя «жертвами судьбы», а участники боевых действий жаловались на «диффамацию» и «оскорбление своего достоинства» со стороны держав-союзниц [14].

«Коллективное умолчание» в культуре памяти ФРГ 1950-х годов: замалчивание как реакция на травматическое прошлое. Вторая мировая война для немецкой истории стала тем событием, которое принято называть «исторической травмой». К событиям, которые могут восприниматься обществом как историческая травма, относят войны, массовые преследования и геноцид, утрату государственности, тоталитаризм, колониализм, рабство, а также социокультурные изменения, природные катастрофы, терро-

ризм и др. [13, с. 7]. Такое событие-катастрофа всегда «оставляет глубокий шрам в сознании», однако реакция общества на историческую травму может варьироваться от обострения и гиперболизации памяти до искажения и радикального отказа от воспоминаний: среди возможных реакций – «силовое подавление памяти, оцепенение, шок, ужас, возмущение, гнев, скорбь, месть, примирение», а также отрицание и фальсификация [7; 2; 13, с. 7-8]. Подобную неоднородность реакций можно заметить и на примере немецкого послевоенного общества, хотя Ютта Шеррер отмечает, что «... большинство немцев стремилось к материальному и психологическому возрождению, вытесняя из сознания реалии нацистского государства, только-только ставшие прошлым» [12, с. 91].

Исследователи памяти никогда не отрицали тесной взаимосвязи категорий воспоминания и забвения, памятования и забывания: по словам директора Центра междисциплинарного исследования памяти (Эссен, Германия) Харальда Вельцера, «воспоминание, переработка и забвение — точки одного континуума, который мы называем памятью» [7, с. 62]. В мемориальных исследованиях второй половины XX века оппозиция «память – забвение» возникла именно в связи с изучением исторической травмы: о двух основных путях преодоления травматического прошлого писал израильский философ Авишай Маргалит, схожего мнения придерживаются теоретик истории Йорн Рюзен и специалист по истории античности Кристиан Майер. Маргалит противопоставлял памятование и забвение, трактуя памятование как сохранение прошлого, а забвение связывая с ориентацией на будущее [20; 3]. Эту оппозицию можно сформулировать в виде вопроса «помнить или забыть?» (его же ставит в своей работе Майер), в то время как

Рюзен скорее задается вопросом «говорить или молчать?» [20; 10; 21].

Алейда Ассман вступила в полемику с Маргалитом, поскольку простой оппозиции «памятование – забвение», по ее мнению, недостаточно, чтобы полноценно обсуждать механизмы преодоления исторической травмы. В связи с этим Ассман выделила четыре модели общественного отклика на травматические события прошлого [3, с. 207]:

- 1) «помнить, чтобы никогда не забывать»;
- 2) «помнить ради преодоления»;
- 3) «диалогическое памятование»;
- 4) «диалогическое забвение».

Первая модель подразумевает сохранение прошлого, т.е. память о событии включается в коллективную идентичность; вторая модель означает преодоление прошлого, социальную и национальную интеграцию; в модели «диалогическое памятование» представлена ситуация, когда память выходит за пределы одного государства, т.е. два или более государства оказываются связаны между собой памятью об общих событиях и исторических травмах. Наконец, последняя модель обращения с травматическим прошлым предполагает не памятование, а забвение, причем Ассман подчеркивает: не всегда забвение памяти несет в себе негативные коннотации, оно может быть «терапевтическим» [3]. С этим тезисом согласен и Харальд Вельцер: нет общепринятого консенсуса, что необходимо помнить, а что – забывать. Невозможно заранее предугадать, какое влияние будут иметь воспоминание и забвение, будет ли их воздействие «целительным» или «болезнетворным». Вельцер, как и Ассман, подчеркивает, что в оппозиции «память – забвение» «память» обычно вызывает положительные ассоциации, а «забвение» – отрицательные, но не всегда «помнить – лучше и здоровее, чем забывать»: например,

для обществ, пострадавших от Холокоста, сначала требовалось забыть катастрофу, и «только потом ... снова сделать ее предметом воспоминания и поминовения» [7, с. 62].

Наиболее подробно категорию забвения Алейда Ассман исследовала в работе «Забвение истории – одержимость историей». По мнению Ассман, память и забвение представляют собой «сложное переплетение двух начал», а не оппозицию противоположностей [4, с. 13-15]. Еще одно замечание Ассман основывает на идеях Фридриха Георга Юнгера, одного из ключевых исследователей забвения: забвение неоднородно и может различаться по своим функциям. Развивая идеи Юнгера, Ассман отмечает, что «забвение – собирательное понятие, за которым стоят очень разные действия, методы и стратегии» [4, с. 19]. В частности, Ассман выделяет несколько техник забвения (стирание, прикрытие, сокрытие, умолчание, переписывание, игнорирование, нейтрализация, отрицание, утрата), а также семь его форм: 1) автоматическое; 2) берегающее; 3) селективное; 4) карающее и репрессивное; 5) охранительное; 6) конструктивное; 7) терапевтическое, отмечая, что «предлагаемый перечень не следует считать исчерпывающим» [4, с. 11-59].

В отношении западногерманской культуры памяти 1950-х годов наряду с понятием «забвение» используется и понятие «умолчание». В концепции забвения, предложенной Ассман, умолчание является одной из техник забвения. Умолчание как технику забвения она описывает так: «... умолчание не стирает из памяти тягостное событие, а лишь устраняет его из коммуникации» и «консервирует запретами (табу) социопсихологические травмы» [4, с. 21]. Действительно, память о Второй мировой войне в ФРГ 1950-х годов не стиралась, игнорировалась, переписывалась

или отрицалась, как предполагают другие, более радикальные техники забвения, а вытеснялась из общественной коммуникации, при этом существуя в виде индивидуальных воспоминаний. Ассман подчеркивает, что забвение через умолчание «носит конвенциональный характер» и обычно служит нормализации социальных отношений.

Понятие «умолчание» (точнее «коммуникативное умолчание») применительно к западногерманскому обществу 1950-х годов впервые употребил немецкий философ Герман Люббе, использовавший его в 1983 году в одном из публичных выступлений, причем Ассман подчеркивает, что «Люббе вложил в это понятие не критический, а позитивный смысл» [4, с. 149]: для него «коммуникативное умолчание» подразумевало «кокон, где происходит превращение гусеницы в бабочку», аналогичное превращение проходило с членами НСДАП, когда они становились гражданами демократического государства [4, с. 149; 19].

Немецкие психологи Александр и Маргарета Митчерлих рассматривали молчание общества с точки зрения психоанализа как неспособность скорбеть и необходимость защититься от собственных эмоций – в их трактовке «коллективное молчание» было вытеснением из сознания посттравматической памяти о войне [22]. Герман Люббе иначе понимал причины «коллективного умолчания» 1950-х годов: основной причиной он считал общественную «сделку», негласное согласие об исключении памяти о войне из общественной коммуникации, «договоренность, что антифашисты не воспользуются известным им компроматом, а бывшие нацисты будут сдержаны в своих общественных притязаниях» [3, с. 43]. Благодаря этому общество смогло дистанцироваться от прежней идеологии

и поддержать новое государство, тем самым молчание не позволило обществу расколоться [19].

«Коллективное умолчание» 1950-х годов в том смысле, который вкладывал в это понятие Люббе, являлось в соответствии с концепцией Алейды Ассман формой «диалогического забвения», имеющего терапевтические свойства. Память миллионов немцев не могла быть так просто уничтожена, стерта или вытеснена из сознания, она продолжала жить, сохраняясь в памяти в латентном состоянии, но именно «деликатное» умолчание в отношении к памяти о травматических событиях недавнего прошлого, по словам Ассман, способствовало интеграции западногерманского общества и экономическому подъему ФРГ в послевоенные годы.

Хотя в работе «Новое недовольство мемориальной культурой» Алейда Ассман употребляет в отношении «коллективного умолчания» 1950-х годов прилагательное «терапевтический» («...имеет терапевтическое воздействие на общество...»), отнести его к терапевтическому забвению – одной из форм забвения, выделяемой Ассман – нельзя. Терапевтическое забвение «позволяет справляться с бременем истории с помощью покаяния и признания вины» и «направлено ... на примирение, интеграцию и преодоление совместной истории» [4, с. 56], однако его важной характеристикой является наличие двух фаз: сначала должно произойти памятование, обращение к прошлому и его проработка, а затем наступает фаза забвения, подразумевающая «обезвреживание истории, ее преодоление и дистанцированность». Ассман метафорически сравнивает терапевтическое забвение с перелистыванием страниц в книге: прежде чем перевернуть страницу, ее нужно сначала прочитать. Поскольку

к 1950-м годам в западногерманском обществе еще не прошла фаза памятования и не было проработки прошлого, то говорить о терапевтическом забвении в данном случае кажется нам некорректным.

Забвение через умолчание, которое описывает Люббе, точнее относить к конструктивному забвению по терминологии Ассман. Конструктивное забвение способствует политическому, социальному и культурному обновлению, становится основой для начинаний и инноваций, подразумевая, что общество не стоит на месте, «увязая» в воспоминаниях о потерях, лишениях и исторических травмах, а движется вперед. Этот вид забвения позволяет «преодолеть страдания и утраты», а также – «стимулировать художественную и интеллектуальную активность» [4, с. 51-52], что видно на примере ФРГ 1950-х годов: на это десятилетие пришелся пик активности литературного объединения «Группа 47», одной из главных художественных задач которого было осмысление прошлого через культуру и литературу, а идеи Ханны Арендт, Карла Ясперса, Ойгена Когона, Теодора Адорно, Теодора Хойса и других немецких интеллектуалов 1950-х годов стали той основой, на которой впоследствии стала базироваться осмысленная и критическая «проработка прошлого», начавшаяся с середины 1960-х годов. Во времена «коллективного умолчания» и «расчистки послевоенных развилин» (буквальных и метафорических), которые пришлось на первое послевоенное десятилетие, подобное конструктивное забвение «внушало оптимизм» и становилось «основой для интеллектуальных инноваций», изменений во всех сферах жизни [4, с. 52-54].

Данные формы забвения (конструктивное и терапевтическое) Ассман называет позитивными: в этом случае забвение служит

залогом будущего. Однако забвение может быть нейтральным (сюда Ассман относит автоматическую, сберегающую и селективную формы забвения) и негативным (в эту группу входят деструктивное/репрессивное забвение, а также охранительное/совиновое забвение) [4, с. 59]. Взгляд под другим углом на события 1950-х годов в ФРГ демонстрирует, что господствовавшую в западногерманском обществе тенденцию «коллективного умолчания» можно интерпретировать не только как позитивное забвение.

Возможности человеческой памяти ограничены и неизбежно возникает проблема нехватки места для массива воспоминаний. Тогда забвение выступает как фильтр, отсеивающий лишнюю информацию и пропускающий лишь наиболее значимую или перспективную, что делает забвение необходимым элементом человеческого существования. Это также отмечала Ханна Арендт, подчеркивавшая социальную силу забвения: активная деятельность, по ее словам, возможна лишь тогда, когда есть надежда на забвение проступков и их негативных последствий: «Не будь у нас надежды на прощение и отпущение вины за содеянное, вся наша способность к действию оказалась бы парализована единственным проступком, от которого мы уже никогда не смогли бы оправиться» [1, с. 314; 4, с. 42]. В такой трактовке «коллективное умолчание» 1950-х годов можно отнести к селективному забвению, которое позволило немецкому обществу в дальнейшие десятилетия признать вину и взять на себя ответственность за совершенные преступления.

В то же время «коллективное умолчание», определявшее стратегии памятования о Второй мировой войне в 1950-е годы в ФРГ, можно рассматривать как негативное забвение, выступающее в качестве оружия [4,

с. 59]. В частности, заместитель директора Института исследования тоталитаризма имени Ханны Арендт при Дрезденском техническом университете доктор Клеменс Фолльнхальс вспоминает, что «в 1950-е в университетах царило открытое нежелание заниматься недавним прошлым...» [11, с. 32]. Отсутствие в исторической науке 1950-х годов интереса к исследованию прошедшей эпохи объяснялось стандартным, по словам Фолльнхальса, аргументом – недостаточной дистанцией между историком и эпохой, однако, по его мнению, на самом деле дело было в «глубокой растерянности и беспомощности», «непонимании, как обращаться с наследием национал-социализма» [11, с. 32]. Обеспокоенность немецких интеллектуалов возможным забвением памяти о войне объяснялась усилившейся в 1950-е годы ремилитаризацией – введением воинской повинности, созданием Федеральной разведывательной службы, амнистированием бывших национал-социалистов и др.

В данном случае можно говорить об охранительном, или совинновом, забвении: оно спасительно для преступников. Известно, что высокопоставленные нацисты массово меняли после 1945 года имена, пытались таким образом избавиться от собственного прошлого и скрыть вину за содеянное, поскольку пока они оставались у власти, то находились под ее защитой, но «когда их [преступников] лишают власти, они делают ставку на забвение», заматают следы преступлений, чтобы избежать судебного преследования и ответственности [4, с. 48]. Возвращаясь к определению «коллективного умолчания», данному Германом Люббе, можно вспомнить, что он также писал об этом феномене. В поздних работах Люббе пояснял, что молчание 1950-х годов было неоднородным и служило разным целям для разных слоев: немецкое общество 1950-х годов можно было

разделить на «нацистов, замешанных в преступлениях» и «безобидных нацистов» (к ним Люббе относил тех, кто, поддерживал нацистский режим или вступал в партию из оппортунизма, под влиянием пропаганды) [19; 3], «коллективное умолчание» было важно для обеих групп: если в отношении вторых Люббе говорил о «преобразующей» или «продуктивной силе умолчания», то первые могли извлечь из него выгоду в собственных корыстных целях [19]. Таким образом, охранительная форма забвения также присутствовала в западногерманском обществе 1950-х годов.

Заключение. Забвение памяти о Второй мировой войне в западногерманском обществе, пришедшееся на первое послевоенное десятилетие, выражалось в виде коллективного умолчания и прикрытия воспоминаний о прошлом: они не были уничтожены, индивидуальная память о войне была жива, но исключалась из общественного дискурса. В отношении западногерманского общества 1950-х годов следует говорить о модели «диалогического забвения»: для общества актуальнее было не сохранять или преодолевать воспоминания о прошлом, а временно предать их забвению. Однако забвение в данном случае понимается широко и необязательно несет в себе негативные коннотации: забвение может по-разному проявляться, иметь разнообразные формы и выполнять различные функции.

В случае «коллективного умолчания» в ФРГ 1950-х годов следует говорить о неоднородности забвения и сосуществовании в обществе нескольких его видов (в зависимости от того, к какой части общества и к какому поколению оно было обращено): в отношении части общества применимо использование понятия «конструктивное забвение» (разновидность позитивного забвения по А. Ассман). Оно имело «целебное» воздей-

ствие на общество, позволило ему консолидироваться, стимулировало умственную деятельность, т.е. заложило основы для начавшейся уже в 1960-е годы «проработки прошлого». Однако наряду с позитивными формами забвения в западногерманском обществе 1950-х годов существовало и негативное, в частности охранительное (совиновное) забвение – спасительное для преступников нацистского режима, получивших возможность избежать наказания за преступления прошлого. Для людей, активно поддерживавших прежний режим, забвение и умолчание были спасением и уходом от ответственности, не только моральной, но и уголовной.

С другой стороны, часть общества воспринимала войну как историческую травму, для принятия которой должно было пройти какое-то время, в связи с чем умолчание 1950-х годов можно отнести к селективному забвению (вид нейтрального забвения), вызванному в первую очередь ограниченными возможностями человеческой памяти и необходимостью отсеивать лишнюю информацию. Селективное забвение позволило немецкому обществу проработать травму войны и «отрефлексировать» нацистское прошлое, признать вину и взять на себя ответственность за совершенные преступления. Такие формы забвения не дали обществу расколоться и позволили молодому государству сформироваться и подготовиться к будущей проработке прошлого, начавшейся с активизацией «поколения 1968-го года».

Говоря о роли поколений в процессе памятования и забвения, Алейда Ассман отмечает, что «коллективное умолчание» имело «терапевтическое воздействие на общество» в целом, но стало причиной «нарушения межпоколенческого диалога» между родителями («скептическое поколение» 1945-го года) и детьми («поколение 1968-го года»): «Умол-

чение являлось формой добровольного самоограничения, которое, возможно, пошло на пользу обществу, но не родителям и их детям». Этот конфликт поколений, родителей и их детей не только проявился в скорости и интенсивности общественных трансформаций («неприметно и медленно» – у скептического поколения и «резко и публично» – у поколения 1968-го года), но и показал пределы стратегии умолчания.

Забвение и умолчание были подавляющими в ФРГ 1950-х годов, но не тотальными, что позволило обществу в следующие десятилетия начать изменения и проработку прошлого. Именно те, кто в 1950-е годы предпочитал говорить, а не молчать, фактически определили направления послевоенного развития Германии и заложили фундамент для дальнейшего преодоления и проработки тоталитарного прошлого.

Список литературы

1. Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / перевод с немецкого и английского В. В. Библихина. Санкт-Петербург : Алетей, 2000. 437 с.
2. Ассман А. *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика* / перевод с немецкого Б. Хлебникова. Москва : Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
3. Ассман А. *Новое недовольство мемориальной культурой* / перевод с немецкого Б. Хлебникова. Москва : Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
4. Ассман А. *Забвение истории – одержимость историей* / перевод с немецкого Б. Хлебникова. Москва : Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
5. Ассман Я. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности* / перевод с немецкого М. М. Сокольской. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
6. Борозняк А. И. ФРГ: волны исторической памяти [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 104–117. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/frg-volny-istoricheskoy-pamyati.html>
7. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 51–63. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html>
8. Кёниг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 96–103. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/pamyat-o-naczional-soczializme-holokoste-i-vtoroj-mirovoj-vojne-v-politicheskom-soznanii-frg.html>
9. Колесов Д. И., Маслова И. И., Сухова О. А., Шиманская О. К. Историческая память о Второй мировой войне в Германии: этапы формирования [Электронный ресурс] // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. №1 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-vtoroy-mirovoy-voyne-v-germanii-etapy-formirovaniya>
10. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / ред. Л. П. Репина. Москва : ИВИ РАН, 2005. С. 38–62.
11. Фолльнхальс К. Критический анализ национал-социализма в современной (западно)германской истории и германском обществе после 1945 года // Отношение к прошлому. Осмысление Германией двух ее диктатур. Москва : Политическая энциклопедия, 2018. С. 31–44.
12. Шеррер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // Pro et Contra. 2009. Том 13. №3–4 (46). С. 89–108.
13. Шнирельман В. А. Травматическая память: подходы к изучению и интерпретации [Электронный ресурс] // Сибирские исторические исследования. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/travmaticheskaya-pamyat-podhody-k-izucheniyu-i-interpretatsii>

14. Эхтернкамп Й. «Немецкая катастрофа»? О публичной памяти о Второй мировой войне в Германии [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 83–87. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/nemeczskaya-katastrofa-o-publichnoj-pamyati-o-vtoroj-mirovoj-vojne-v-germanii.html>
15. Faulenbach B. *Die Erinnerungskultur Deutschlands* [Электронный ресурс] // *Urbane Erinnerungskulturen im Dialog: Berlin und Buenos Aires*. Berlin : Metropol, 2009. pp. 37–46. URL: https://publications.iai.spk-berlin.de/servlets/MCRFileNodeServlet/iai_derivate_00000079/Urbane%20Erinnerungskulturen%20im%20Dialog_Berlin_Buenos%20Aires_037-046.pdf
16. Frei N. *Vergangenheitspolitik: Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit*. München : C.H.Beck, 2012. 468p.
17. Hockerts H. G. *Zugänge zur Zeitgeschichte. Primärerfahrung, Erinnerungskultur, Geschichtswissenschaft // Verletztes Gedächtnis. Erinnerungskultur und Zeitgeschichte im Konflikt*. Frankfurt am Main : Campus Fachbuch, 2002.p. 15–30.
18. Lübke H. *Der Nationalsozialismus im deutschen Nachkriegsbewusstsein // Historische Zeitschrift*. 1983. № 236.p. 579–599.
19. Lübke H. *Vom Parteigenossen zum Bundesbürger. Über beschwiegene und historisierte Vergangenheiten*. München : Wilhelm Fink Verlag, 2007. 143p.
20. Margalit A. *The Ethics of Memory*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. 240 p.
21. Meier Ch. *Das Gebot zu vergessen und die Unabweisbarkeit des Erinnerns. Vom öffentlichen Umgang mit schlimmer Vergangenheit*. München : Siedler Verlag, 2010. 160p.
22. Mitscherlich A., Mitscherlich M. *Die Unfähigkeit zu trauern: Grundlagen kollektiven Verhaltens*. München : Piper Taschenbuch, 2007. 400p.

References

1. Arendt H. *Vita activa, or On an active life*. St. Petersburg, Aleteyya Publishing House, 2000. 437 p. (In Russ.)
2. Assman A. *The Long shadow of the past: Memory culture and historical politics*. Moscow, Publishing House “New Literary Review”, 2014. 323 p. (In Russ.)
3. Assman A. *New dissatisfaction with memory culture*. Moscow, Publishing House “New Literary Review”, 2016. 232 p. (In Russ.)
4. Assman A. *Oblivion of history - obsession with history*. Moscow, Publishing House “New Literary Review”, 2019. 552 p. (In Russ.)
5. Assman J. *Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*. Moscow, Publishing House “Languages of Slavonic Culture”, 2004. 368 p. (In Russ.)
6. Boroznyak A. I. Federal Republic of Germany: waves of historical memory. *Emergency reserve*. 2005, no. 2–3 (40–41), pp. 104–117. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/frg-volny-istoricheskoy-pamyati.html> (In Russ.)
7. Welzer H. History, memory and modernity of the past. Memory as an arena of political struggle. *Emergency reserve*. 2005, no. 2–3 (40–41), pp. 51–63. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (In Russ.)
8. König H. The memory of Nazism, the Holocaust and the Second World War in the political consciousness of the Federal Republic of Germany. *Emergency reserve*. 2005, no. 2–3 (40–41), pp. 96–103. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/pamyat-o-naczional-soczializme-holokoste-i-vtoroj-mirovoj-vojne-v-politicheskom-soznanii-frg.html> (In Russ.)
9. Kolesov D. I., Maslova I. I., Sukhova O. A., Shimanskaya O. K. Historical memory of the Second World War in Germany: stages of formation. *Izvestiya VUZov. Volga region. Humanitarian sciences*. 2018, no. 1 (45). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-vtoroy-mirovoy-voynе-v-germanii-etapy-formirovaniya> (In Russ.)
10. Rusen J. Crisis, trauma and identity. In: L. P. Repina, ed. *The chain of times: Problems of historical consciousness*. Moscow, Published by The Russian Academy of Sciences, 2005. Pp. 38–62. (In Russ.)

11. Vollnhals C. Critical analysis of Nazism in modern (West) German history and German society after 1945. In: *Attitude to the past. Comprehension by Germany of its two dictatorships*. Moscow, Publishing House "Political Encyclopedia", 2018. Pp. 31–44. (In Russ.)
12. Scherrer J. Germany and France: working through the past. *Pro et Contra*. 2009, vol. 13, no. 3–4 (46), pp. 89–108. (In Russ.)
13. Shnirelman V. A. Traumatic memory: approaches to the study and interpretation. *Siberian historical research*. 2021, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/travmaticheskaya-pamyat-podhody-k-izucheniyu-i-interpretatsii> (In Russ.)
14. Echternkamp J. "German catastrophe"? On the public memory of the Second World War in Germany. *Emergency reserve*. 2005, no. 2–3 (40–41), pp. 83–87. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/nemeczkaya-katastrofa-o-publichnoj-pamyati-o-vtoroj-mirovoj-vojne-v-germanii.html> (In Russ.)
15. Faulenbach B. *Die Erinnerungskultur Deutschlands [Электронный ресурс] // Urbane Erinnerungskulturen im Dialog: Berlin und Buenos Aires*. Berlin : Metropol, 2009. pp. 37–46. Available at: https://publications.iai.spk-berlin.de/servlets/MCRFileNodeServlet/iai_derivate_00000079/Urbane%20Erinnerungskulturen%20im%20Dialog_Berlin_Buenos%20Aires_037-046.pdf
16. Frei N. *Vergangenheitspolitik: Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit*. München : C.H.Beck, 2012. 468p.
17. Hockerts H. G. Zugänge zur Zeitgeschichte. *Primärerfahrung, Erinnerungskultur, Geschichtswissenschaft // Verletztes Gedächtnis. Erinnerungskultur und Zeitgeschichte im Konflikt*. Frankfurt am Main : Campus Fachbuch, 2002. pp. 15–30.
18. Lübke H. *Der Nationalsozialismus im deutschen Nachkriegsbewusstsein // Historische Zeitschrift*. 1983. № 236. pp. 579–599.
19. Lübke H. *Vom Parteigenossen zum Bundesbürger. Über beschwiegene und historisierte Vergangenheiten*. München : Wilhelm Fink Verlag, 2007. 143p.
20. Margalit A. *The Ethics of Memory*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. 240 p.
21. Meier Ch. *Das Gebot zu vergessen und die Unabweisbarkeit des Erinnerns. Vom öffentlichen Umgang mit schlimmer Vergangenheit*. München : Siedler Verlag, 2010. 160p.
22. Mitscherlich A., Mitscherlich M. *Die Unfähigkeit zu trauern: Grundlagen kollektiven Verhaltens*. München : Piper Taschenbuch, 2007. 400p.

*

Поступила в редакцию 13.04.2022